

Окончание. Начало на стр. 1

Я говорю: «Я Алена Бабенко, вы хотели меня видеть». Только тогда он прозрел. В Петербурге на студии мне прямо сказали: «А мы думали, что вы высокая и крупная!» А потом еще оператор добавил: «Она мелкая, надо ее укрупнить». Ему кричат: «Не надо, она сама на экране увеличится!» И еще какой-то журналист спросил: «Почему вы в кино такая большая?» Я отвечаю: «А я перед съемками прошла специальный курс увеличения габаритов. И таблетки специальные принимала. По-моему, он поверил.

– В свое время вы почти закончили факультет прикладной математики. Помогает ли математика быть актрисой?

– Как ни странно, между профессиями математика и актера есть сходство уже на терминологическом уровне: «логика», «модель», «задача», «линия», «погрешность». Есть логика развития характера, есть модель человека, которого ты играешь, есть линия поведения, есть актерские огрехи, есть задача, которую тебе ставит режиссер, как это делает научный руководитель, или ты сама себе ее ставишь... С другой стороны, все в природе подчинено математическим уравнениям. Поначалу математика казалась мне сухой, но в какой-то момент все структурировалось, и я увидела ее связь со всем, что происходит вокруг. В институте у меня была сложная курсовая работа: «Математическая модель шумов и помех в инверсионной вольтамперометрии».

– То есть, люди измеряют электрическое напряжение и силу тока, электричество шумит и мешает измерениям, а вы определяете, как эти помехи влияют на показания приборов?

– Что-то вроде этого (*смеется*). Помню, так увлеклась, что шла по улице, смотрела на птиц, а представляла себе интегральное уравнение и подумала: «Все. Приехали. Кажется, я схожу с ума». Вот так математические «помехи» тогда влияли на «показания приборов» моей головы.

– Есть такая гипотеза, что сама профессия актера является компенсацией объективного комплекса неполноценности, присущего любому человеку, поскольку он обречен сидеть в клетке собственного тела. Якобы отсюда и проистекает актерское стремление имитировать переселение душ.

– Насчет компенсации, наверное, правда. У меня, кажется, не было какого-то явного комплекса неполноценности, но в детстве, я помню, все время себя кем-то представляла и даже давала себе интервью. Наверное, потому, что больше никому было меня выслушать. А мне нужно было как-то выразить свои мысли. Которые, конечно, казались мне очень умными (*смеется*). Это была форма общения с миром...

– А когда дело дошло до реальных интервью?

– Поначалу казалось, что вообще не смогу связать ни одного предложения. Говорить с собой – это ведь не то же самое, что говорить с другим, особенно отвечать на вопросы. Да и вообще, мне нечасто встречались люди, которым можно было бы открыть свои мысли. Не потому, что они такие погаенные, а потому, что у других тоже полно своих невысказанных мыслей, и они тоже хотят, чтобы их слушали.

– Вы всегда мечтали стать актрисой?

– Нет, какое-то время я хотела быть балериной. Рядом с нашим домом был детский сад с толстым деревянным забором, и я по каким-то странным причинам думала, что учиться ходить на пальцах и держать равновесие нужно именно на нем.

– Любите танцевать?

– Очень. Хотя нечасто удается. Если бы мне предложили сыграть танцовщицу, я бы с радостью согласилась. Я уже сказала, что даже физический недостаток героя позволяет актеру использовать пластику тела. Телом подчас мож-

Актриса Алена БАБЕНКО:

«Я сама себе давала интервью»

но выразить больше, чем лицом или голосом. Когда-то я очень много разговаривала руками, мне даже делали замечания, отучая от дурной актерской привычки, но, кажется, у моих учителей ничего не вышло.

– Может быть, Чухрай и Рязанов именно поэтому пригласили вас сняться в ролях хромоножки и горбуны, чтобы под внешней скованностью чувствовалась телесная энергия?

– Не знаю, мне трудно судить, почему они сделали такой, а не иной выбор. Для «Водителя для Веры» меня нашли ассистенты Чухрая. Сказали – не красься, приходи как есть. Я пришла, попробовалась. Через два месяца новый звонок, сказали, что я понравилась, но вид у меня был какой-то мальчишеский. Ну, во второй раз уже явилась при полном параде, мы сидели в кабинете, беседовали, так что проявить свою пластическую природу не было никакой возможности. Если он о ней и судил, то чисто интуитивно.

– Есть такое выражение: «проснуться знаменитой». С вами это случилось?

– Нет. Когда на «Кинотавр» привезли «Водителя для Веры», я снималась в Муроме у Александра Митты в «Лебедином рае», а там такая глухомань, что мы с собой и телефонов мобильных не взяли. Потом на два дня прилетела в Сочи, посмотрела фильм вместе со всей фестивальной публикой, мне сказали какие-то приятные слова, и улетела обратно. Так что вся прессволна-цунами прошла стороной. Потом, конечно же, я почувствовала значение этого фильма для своей актерской карьеры. И до сих пор чувствую...

– Приятно, когда узнают на улицах?

– Смотря в каком ты настроении. Если в плохом, то лучше бы не узнавали. Слава Богу, мне спрятаться нетрудно – надела темные очки, и будто исчезла. А если в хорошем – приятно, хотя толку от этого... Вчера ставила машину на Тверской, парковщик меня узнал, и мало того, что содрал сто рублей, так еще и диск попросил. Вот она, слава!

– Трудно вам было освоиться в столице?

– Знаете, я до сих пор чувствую дискомфорт. Мне кажется, что по характеру я провинциалка, и я

не хочу терять своей провинциальной сущности.

– А чем, по-вашему, отличается москвич от провинциала?

– Чем? Может быть, в провинциалах есть какая-то наивность? Они верят, не просчитывают, хотя меня, по-моему, уже две. Но все-таки я верю. И попадаюсь. В частности, с желтой прессой. Хотя мне советовали: остерегайся их, проверяй, с кем разговариваешь.

– Правильно советовали. Перед тем как вам позвонить, я залез в Сеть и невольно «узнал» про все ваши романы. Как сыграла в фильме с симпатичным актером – так сразу и любовь...

– Я этого даже не прокомментирую. Подходит человек, называет солидное издание, а потом, когда мы встречаемся для разговора, общается, что он из совсем другой газеты. А я не могу его ни ударить, ни сказать что-то оскорбительное. Мне стало очень обидно, что меня обманули, и от этой обиды я начала с ним говорить, просто чтобы понять, зачем он это сделал.

– И что, поняли?

– Нет. И он не понял, о чем я. По-моему, они все-таки не ведают, что творят. Живут в каком-то замкнутом пространстве, в каком-то ящике с червями. С остервенением пишут гадости, не ведая ни-

какого понятия стыда, я уже не говорю о фотографах, которые почему-то думают, а вернее, точно знают, что я должна им позировать, в результате плохие фотографии, клевета, пошлость. И так люди на моей жизни зарабатывают себе на жизнь. По-моему, нелепо как-то.

– Считается, что этого требует публика.

– Они сами создали эту публику, возбудив в людях животный интерес и грязное любопытство и продолжая его разжигать всеми силами в прессе и по телевидению. Хотя этот парень все же сознался, откуда он, а ведь мог бы не сознаваться.

– А вы уверены, что я из «Новых Известий», а не из газеты «Жизнь»? Я ведь вам удостоверение не показывал...

– ???!!!...

– Кажется, я начинаю догадываться, почему вы согласились сыграть журналистку в фильме «Жест».

– Чтобы отомстить всему журналистскому сословию? (*смеется*). Это не в моем характере. Притом, я уже не в первый раз играла репортера. Но фильм Константина Худякова почему-то не был показан по телевидению и вышел только на DVD.

– Мне подумалось, что в

«Жести» вы хотели сыграть что-то важное, а режиссер вам не дал – не нарочно, а потому, что не справился со сценарием – если с таким сценарием вообще можно было справиться.

– Я не могу оценивать фильм, в котором снималась, но сценарий мне показался интересным, там была и философия, и психология. Мне жаль, что в картину не вошла большая сцена с Ренатой Литвиновой в финале, но, как говорится, хозяин – барин. Для меня это была история женщины, которая запуталась в личных и профессиональных отношениях. Она давно пишет о людях, попадающих в страшные ситуации, и постепенно у нее притупляются чувства, она перестает им сопереживать и становится машиной для добычи информации. Испытания, через которые она проходит, это ее путь обратно к самой себе, к своей профессии. По-моему, в том, что мы превращаемся в какие-то биомеханизмы, много правды. Я прочла сценарий, и роль как будто пришлась на меня. Стала пробовать и почувствовала, что потерялась, потом опять поймала нить, а потом это снова повторялось, а потом вдруг что-то случилось, и я поняла, что на самом деле все так просто. Совсем как моя героиня.

Алена БАБЕНКО родилась 31 марта 1972 года в Кемерово. В 1988 году, сразу после окончания школы, поступила в Томский государственный университет на факультет прикладной математики и кибернетики. Но гораздо больше учебы ее увлекала игра в студенческом театре эстрадных миниатюр «Эстус». Поэтому университет бросила, не доучившись всего полгода. Уехала в Москву, поступила во ВГИК, который закончила в 2000 году. Играла в сериалах «Каменская. Смерть и немного любви» (2000), «Мамука» (2001), «Подари мне жизнь» (2003). Но широкую известность ей принесла главная роль в фильме Павла Чухрая «Водитель для Веры» (2004). За нее она получила премию Национальной академии кинематографических искусств и наук России «Золотой орел» как исполнительница лучшей женской роли и «Нику-2004» в номинации «Открытие года». Из последних работ наиболее заметным было ее участие в блокбастере «Жест» (2006).